

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.56>

Акай Оксана Михайловна

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ PLURALIA TANTUM КАК ЯЗЫКОВЫЕ ЛАКУНЫ

Как межъязыковая лакуна (отсутствие группы pluralia tantum в языках, имеющих грамматическую категорию числа), так и интраязыковая лакуна (отсутствие соотносительной формы единственного числа у конкретных pluralia tantum, которые по семантике не чужды идее счета), по сути, глубоко мотивированы, поскольку pluralia tantum есть неотъемлемый компонент грамматической системы многих индоевропейских языков, типологическая черта, отражающая особенности формирования грамматической категории числа с опорой на эллиптический, а не амплифицирующий плюраль. "Парадокс" существительных pluralia tantum конкретной семантики, которые называют исчисляемые предметы, глубинно связан с акцентированием различий предметов, составляющих множество.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 265-269. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Теория языка

Theory of Language

УДК 81

Дата поступления рукописи: 03.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.56>

*Как межъязыковая лакуна (отсутствие группы *pluralia tantum* в языках, имеющих грамматическую категорию числа), так и интраязыковая лакуна (отсутствие соотносительной формы единственного числа у конкретных *pluralia tantum*, которые по семантике не чужды идее счета), по сути, глубоко мотивированы, поскольку *pluralia tantum* есть неотъемлемый компонент грамматической системы многих индоевропейских языков, типологическая черта, отражающая особенности формирования грамматической категории числа с опорой на эллиптический, а не амплифицирующий плюрал. «Парадокс» существительных *pluralia tantum* конкретной семантики, которые называют исчисляемые предметы, глубинно связан с акцентированием различий предметов, составляющих множество.*

Ключевые слова и фразы: грамматика; лакунарность; интраязыковые грамматические лакуны; существительные *pluralia tantum*; эллиптический плюрал.

Акай Оксана Михайловна, к. филол. н.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

oksanaakay@gmail.com

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ PLURALIA TANTUM КАК ЯЗЫКОВЫЕ ЛАКУНЫ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-0016.

Введение

Лакунарность – предмет интереса многих гуманитариев: педагогов и психологов, анализирующих проблемы доступности информации и адекватности взаимопонимания, лингвистов и лингвистов, причем чаще всего – в рамках теории перевода и в аспекте межкультурной коммуникации. Как правило, найти рациональное объяснение существования лакун не удается (обычно говорят о национальной самобытности строя того или иного языка, не пытаясь найти конкретные причины наличия или отсутствия лакун). О. В. Коптева совершенно справедливо пишет о «невысоком уровне разработанности проблем лакунарности в целом» [6, с. 3].

Бесспорно, что лакуны являются следствием неполноты и/или избыточности опыта лингвокультурной общности. Многие исследователи (Л. К. Байрамова, В. И. Жельвис, В. Н. Рябов и др.) настаивают на непременном разграничении внутриязыковых (интраязыковых) и межъязыковых лакун. О межъязыковой лакунарности можно говорить применительно к двум конкретным языкам в том случае, когда обозначенное как отдельность в одном языке отсутствует в другом. Интраязыковые лакуны – это «пустые» места, «несигнализируемые» участки в рамках одного языка. Лакунарность охватывает все уровни, в том числе «верхние», то есть предложение и текст, однако наибольшее исследовательское внимание, как правило, привлекают лексико-фразеологические лакуны. Считается, что национальное своеобразие языка наиболее ярко проявляется в лексике, ибо словарный состав выступает как своеобразный «инвентарь» представлений о вещах, признаках и процессах, полученный в результате взаимодействия языка с внеязыковой действительностью. Грамматика же нередко видится лишь набором средств чисто структурного приспособления лексем друг к другу. Однако, по сути, именно грамматика являет собой основное концептуальное содержание языка, его своеобразную обобщенно-формализованную мыслительную схему. Грамматика выражает осмысление мира, только особым, отвлеченным способом, в особой, обобщенной форме [11, с. 96]. В этом смысле грамматические лакуны представляют несомненный интерес как отражение особенностей «мировидения».

Актуальная задача, которая стоит перед грамматической наукой сегодня, заключается в том, чтобы перейти от фиксации лакун к объяснению причин лакунарности. Именно мотивация лакун до сих пор сама оказывается «лакуной» в грамматической науке. Недостаточная изученность лакунарности предопределяет научную **новизну** работ по ее исследованию. **Целью** данной статьи является рассмотрение лакунарности в ее грамматическом проявлении, а именно на материале существительных *pluralia tantum*.

Pluralia tantum как межъязыковые и внутриязыковые лакуны

Pluralia tantum интересны, прежде всего, в сопоставительном плане, поскольку при наличии в языке обязательной категории числа вовсе не обязательно в нем есть группа pluralia tantum. «Грамматическая категория числа существительных раскрывает отношение качества, отражённого в лексическом значении слова (всякий предмет есть воплощение определенного качества), к его количественному проявлению – через грамматические значения проявления качества в единичной реальности или в их множестве» [18, с. 5]. Выбор числовой формы коррелятивных по признаку числа существительных, как считается, обусловлен потребностями в выражении идеи количества – «один» или «больше одного». Неисчисляемые имена оформляются как singularia или pluralia tantum, что закономерно для большинства индоевропейских языков.

Однако наличие в индоевропейских языках pluralia tantum вовсе не обозначает полной идентичности состава этой группы. Так, в немецком языке наряду с *die Hosen* (pl.) есть эквивалентное *die Hose* (sg. fem.), в то время как в русском языке все существительные подобной семантики (*брюки, джинсы, шорты* и т.д.) оформляются только как pluralia tantum. Ср. также: рус. *сани* и нем. *der Schlitten* (sg. masc.), рус. *ножницы* и нем. *die Schere* (sg. fem.); рус. *грабли* и нем. *die Heugabel* (sg. fem.) и под.

Существование в языке pluralia tantum коррелирует с изменением числовой формы имени при количественном числительном. В большинстве индоевропейских языков используется форма мн. числа имени при числительном (англ. *two houses*; русск. *два, три, четыре дома* – это, как известно, реликт двойственного числа, и, начиная с числительного *пять*, употребляется мн. число – *пять домов*). В иберийско-кавказских, угрофинских, тюркских языках в подобных сочетаниях последовательно используется форма ед. числа имени, и в этих же языках отсутствуют pluralia tantum. Если в большинстве индоевропейских языков парные предметы (в том числе соматизмы) нередко обозначаются как pluralia tantum, в венгерском языке существует четкое правило, согласно которому парные части и парные органы тела обозначаются как одно целое, то есть формой единственного числа. А при обозначении одного глаза или одной руки, а также одной перчатки или одного сапога используется слово *fel* – ‘половина’, так что дословно получается ‘половина перчаток’ (см. примеры такого типа [3, с. 218]). Русские pluralia tantum и близкие к ним названия парносоставных предметов (типа *перчатки, серьги, клипсы, локти, ступни, глаза, уши* и под.) переводятся на венгерский и другие финно-угорские языки формами единственного числа, а при необходимости обозначить один предмет из пары (*перчатка, серьга, локоть, ухо*) применяется количественно-именная конструкция со словом «половина».

Это соотношение – наличие pluralia tantum и характер сочетаемости имен с количественными числительными – давно привлекло внимание таких исследователей, как Т. Г. Хазагеров, С. Г. Николаев [10, с. 93; 17, с. 52], Л. А. Брусенская [2, с. 69], Г. Д. Архипкина [1, с. 24]. С опорой на идеи Е. Куриловича [21, р. 149-205] и Э. Швейцера [22, р. 301], указанные авторы объясняют различия в числовом поведении (наличие/отсутствие pluralia tantum и сочетаемости с числительными по ед./мн. числу) опорой на различные типы плюраля (на этапе формирования числа как особой грамматической категории). Так, Э. Швейцер [Ibidem, р. 299] разграничивал эллиптический плюраль (формула «а-в»), в котором преобладают представления о различии элементов, составляющих множество, и амплифицирующий плюраль (формула «а-а» или «а-а-а»), где доминирует сходство. Вообще отдельные элементы, составляющие множество (отраженное в грамматической форме мн. числа), должны, с одной стороны, различаться, а с другой – быть тождественными. Если бы элементы множества были абсолютно тождественными, не было бы нужды в особой форме мн. числа – указание на такие множества выражалось бы с помощью одной и той же формы, к которой при необходимости присоединялись бы лексические показатели мощности множества. Но и абсолютно различными эти элементы быть не могут – в этом случае не было бы противопоставления ед. и мн. числа, а были бы случайные наименования, то есть чисто речевые явления. Но так как категория числа существует, множество, лежащее в ее основе, должно быть осмыслено как тождество различий: различия позволяют выделить элемент из множества, а тождество не допускает превращения этого элемента в отдельное множество.

Конечно, в каждом языке, имеющем категорию числа, есть формы с преобладанием представлений как об эллиптическом (недостаточный), так и об амплифицирующем (избыточный, расширенный) типе множества. Первый связан с максимальной опорой на различия элементов внутри множества (например, местоимение *мы* почти никогда не может быть осмыслено как *я+я+я*; это, скорее, *я+другие*, отличные от *я*; санскритские сложения типа *dvamdva – mataṅgātau* – ‘родители, букв. – матьотцы’, *panipadi* – ‘конечности, букв. руканог’). Напротив, формы типа *книги, тома* опираются по преимуществу на представления о тождестве. Еще более явно это в случаях с наименованиями мер веса – *граммы, килограммы*, ибо один грамм ничем не отличается от другого. Однако можно утверждать, что различным языкам в процессе формирования категории числа была свойственна преимущественная ориентация на один из типов плюраля.

Если элемент, выделенный из множества, не может репрезентировать его в целом, то неизбежна лексикализация форм ед. и мн. числа и постоянное пополнение разряда pluralia tantum. Способы концептуализации парных предметов находятся в прямой связи с общими принципами формирования категории числа как части речи. Языки, в которых преобладает понимание множества как недискретной, однородной совокупности (амплифицирующий плюраль), не имеют категории pluralia tantum (угро-финские, тюркские и многие автохтонные языки Кавказа). В других языках, где множество воспринимается как некая совокупность, состоящая, однако, из разнородных элементов (эллиптический плюраль), происходит постепенная лексикализация словоформ множественного числа и пополнение категории pluralia tantum (большинство индоевропейских, некоторые семитские языки). То есть межъязыковая лакунарность – наличие или отсутствие pluralia tantum – связана с типологическими особенностями, а именно с особенностями формирования числа как грамматической категории.

Внутриязыковая лакуарность *pluralia tantum* ярче всего проявляется в случае конкретных имен, поскольку отсутствие формы единственного числа для обозначения одного предмета у слов типа *часы, грабли, сани* представляется алогичным, неожиданным (а именно эти свойства – алогичность и неожиданность – справедливо считаются признаком лакуарности). По сути, лакуны – это то, чего нет, но потребность в чем очевидна и нередко может быть удовлетворена. Интересно, однако, что элиминация лакун в случае *pluralia tantum* осуществляется крайне редко. А. А. Зализняк [4, с. 58-59] справедливо считал, что единство группы *pluralia tantum* кажущееся, что группу *pluralia tantum* составляют существительные, вовсе не однородные по отношению к понятию единичности-множественности. Слова типа чернила так же отличаются от слов типа сани, как *singularia tantum* от обычных существительных с коррелятивными формами числа. Конкретные *pluralia tantum* выражают значения единичности-множественности омонимичными числовыми формами, а значит, это существительные с парадигмой, включающей оба числа. Такая трактовка *pluralia tantum* потребовала выделения специального согласовательного класса, для которого выбор согласуемого слова не зависит от формы числа. А. А. Зализняк обращал внимание на то, что формы единственного числа (**ножница, грабля*) не встречаются, поскольку значения, для передачи которых они могли бы быть построены, уже передаются словоформами *ножницы, грабли*. Форма единственного числа от конкретных *pluralia tantum*, как правило, представляется грубой аномалией, показателем ненормативной речи. Ср. такую форму в речи немца Карла Ивановича из повести Л. Толстого «Отрочество»: «На мне был синий панталон, мундир хорошего сукна, пятнадцать талеров денег...» [16, с. 27]. Интересно, что в авторских словарях, специально фиксирующих девиативные формы, с помощью которых формируется идиостиль писателя, формы единственного числа от *pluralia tantum* отсутствуют полностью; как, например, в словаре авторских новообразований Евгения Евтушенко [8, с. 72, 81-82]. Этот словарь изобилует нестандартными формами множественного числа от существительных неконкретной семантики, однако обратное – единственное число от *pluralia tantum* – не представлено. Таким образом, *pluralia tantum* следует отнести к некомпенсируемым интраязыковым и межъязыковым лакунам.

Когнитивные параметры имен *pluralia tantum*

Существование *pluralia tantum* в системе языка всегда оценивалось грамматистами неоднозначно. Их вывели за пределы морфологической категории числа, поскольку они не передают с помощью флексий различий единичности и множественности, считали «реликтовой», «пережиточной», непополняемой группой, которая вскоре должна безвозвратно исчезнуть из языка. Однако есть и иная точка зрения на сущность этой категории. И. Ж. Якубов [20, с. 93-94] отметил, что в русском языке около 80% *pluralia tantum* – слова активного запаса, а Г. Н. Семенова пишет, что группа *pluralia tantum* «остаётся стабильной и одновременно динамичной на протяжении многих столетий» [13, с. 3]. Если это так, то важно установить причины, по которым в языках, имеющих облигаторную категорию числа, есть и остаются продуктивными имена вне противопоставления единственного и множественного числа (причем даже в тех случаях, когда денотативно это противопоставление предполагается, то есть в случае имен с конкретной семантикой).

Если вещественные, абстрактные и отчасти собирательные *pluralia tantum* представляются явлением если не закономерным, то, во всяком случае, понятным (у неисчисляемых имен грамматическая числовая форма – сингулярная или плюральная – лишена номинативного содержания и обладает только синтаксическим элементом значения), то конкретные *pluralia tantum* всегда вызывали недоумение, расценивались как парадоксальные формы. В самом деле, конкретные *pluralia tantum* связаны с количественным противопоставлением денотатов (*одни ножницы – много ножниц*), однако это противопоставление не опирается на соответствующие морфологические формы (**ножница – ножницы*).

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона анализируются случаи типа лат. *litterae* (буквы, мн. ч.), послужившего основой итал. *lettera* (ед. ч.), франц. *la lettre* (ед. ч.) и делается вывод о том, что «на пути к превращению в подобные формы единственного числа находятся так называемые *pluralia tantum* вроде наших *сани, ножницы, щипцы, грабли* и т.д., множественное число которых имеет скорее формальный характер и не подтверждается внутренней психологической необходимостью» [19, с. 184]. Но очевидно, что, если бы не было глубинных причин и «психологической необходимости», этот разряд не оказался бы столь устойчивым. Причем характерно, что новые субстандартные названия предметов, которые в литературном языке передаются именами *pluralia tantum*, имеют такую же числовую характеристику; ср. жаргонные обозначения типа *котлы* ‘часы’, *браслеты* ‘наручники’.

Характерно, что, хотя современные весы выглядят не так, как прежде, это наименование сохраняет плюральность, которая отражает исторически первичный облик весов с двумя уравновешиваемыми чашами.

Г. Н. Семенова [13, с. 6] справедливо подчеркивает иконичность конкретных *pluralia tantum*, поскольку их числовое оформление связано с такими параметрами, как двойственность, парносоставность и расчлененность. Действительно, хорошо известно, что все слова, обозначающие вид одежды, закрывающей ноги и нижнюю часть туловища, оформляются как *pluralia tantum*: *брюки, бриджи, бермуды, джинсы, колготки, леггинсы, лосины, панталоны, плавки, ползунки, рейтузы, трусы, шаровары, шорты, штаны* и под. О. Н. Ляшевская [7, с. 97-98] обратила внимание на следующее обстоятельство. Парные части имеют многие предметы одежды: рубашка, пальто, платье имеют пару рукавов, как брюки имеют пару штанин. Однако эти предметы концептуализируются с опорой на единственное число, и дело здесь, очевидно, в визуальном факторе: рубашка концептуализируется как целое, закрывающее туловище и руки, а не как пара рукавов.

Интересно, что даже неизменяемое *галифе* «брюки, облегающие колени, с боков расширяющиеся кверху и заправляемые в сапоги» чаще всего оформляется как *pluralia tantum*: «Наш человек на речке Тьд – Михаил Матвеевич. В синих старых галифе, в фуфайке» (Р. Солнцев «Все куда-то едут») [15, с. 267].

Как *pluralia tantum* оформляются названия инструментов для схватывания, сжимания, резания – *ножницы*, *кусачки*, *плоскогубцы*, *тиски*, *щипцы*, англ. *tongs*, *scissors*, хотя полного параллелизма нет (*forceps* – пинцет). Важно, однако, что совпадают тематические группы *pluralia tantum*, например названия игр: ср. русск. *бабки*, *бирюльки*, *горелки*, *городки*, *догонялки*, *жмурки*, *карты*, *прятки*, *пятнашки*, *шашки*, *шахматы* и англ. *cards*, *checkers*, *chess*, *dominoes*.

Близки к *pluralia tantum* соматические термины, называющие парные органы: *жабры*, *легкие*, *гланды*. Иногда они представлены с исходной формой множественного числа. Например, А. А. Зализняк и Е. В. Падучева называли слова типа *руки* в значении ‘обе руки’ «нестойкими *pluralia tantum*» [5, с. 32], которые не имеют, однако, отношения к лакуарности в силу узуальности единственного числа.

Группа *pluralia tantum*, как и все в языке, динамична. В русском языке из активного употребления ушли слова *выкомуры* ‘намеки, насмешки’, *выкоски* ‘остатки травы по выкошенному месту’, *ковы* ‘злоумышление, заговор’, *обидни* ‘будни, не праздники’, *однодомцы* ‘живущие в одном доме’, *побегушки* ‘беготня впустую’, *смутни* ‘ссоры, сплетни’, *ходины* ‘ходьба, хлопоты по делу’, *хлопанцы* ‘обувь без задников’ (примеры из «Русского словаря языкового расширения» А. И. Солженицына [12, с. 48, 157, 245]).

Перестали быть *pluralia tantum* слова *креслы*, *фортепианы*, *взятки*. Последнее было зафиксировано как *pluralia tantum* еще в Словаре Академии Российской 1806 года в значении ‘принужденные подарки, приносимые теми, до кого кто имеет нужду по делам’ [14, с. 502]. С другой стороны, в диахронии современные *pluralia tantum* нередко имели корреляты единственного числа: *вила* – *вилы*, *грабля* – *грабли*, *ножница* – *ножницы*, *качель* – *качели*. То, что *pluralia tantum* представляли собой производные от ед. числа, отражено в русских грамматиках XIX века, которые отмечали род *pluralia tantum*: *бакенбарды* – м. р., *бусы* – ж. р. Новые *pluralia tantum* относятся в основном к субстандарту, ср. обозначения денег типа *бабки*, *баши*, *деревянные*, *лавзики*, *ломти*, *ослики*, *покупалки*, *пятаки*, *слезы*, *тузрики*, *феники*, *филки*, *финаги*, *фисташки*, *фонарики*, *шайбочки*, *шелесты*, *шелестелки*, *шитики*, *шкаренки*, *шмели*, *шорохи*, *шуршалки*, *шуршики* [9, с. 68]. Это обстоятельство характеризует не столько статус *pluralia tantum*, сколько общие позиции: из «коренной струи» в современном русском языке преобладают субстандартные (жаргонные и просторечные) неологизмы, а литературная неология по преимуществу имеет англо-американское происхождение.

Решение проблем лакуарности относится к сфере макролингвистики и позволяет уточнить особенности стратегий кодирования внеязыковой информации, вскрыть причины, предопределяющие как заполнение, так и незаполнение «ячеек» системы, оно существенно для теоретической лингвистики и когнитивистики. Когнитивистика рассматривает грамматику не как автономную, замкнутую, иррациональную систему, а как отражение особенностей опыта познания человеком окружающего мира (ср. традиционное представление о морфологии как о сфере произвольного и идеосинкретичного). Грамматические категории и единицы есть продукт когнитивной деятельности, а значит, они могут стать исходным пунктом для ее реконструкции.

Заключение

Феномен лакуарности в высшей степени существен для языков мира. Вопросы лакуарности находятся на пересечении целого ряда общелингвистических проблем – прежде всего, интеллектуально-логического и когнитивно-прагматического аспектов интерпретации элементов языковой системы. Лингвистически релевантны как наличные (реальные) формы, в которых воплощается определенное семантическое содержание, так и формы, которые закономерно исключаются из соответствующей парадигмы.

Считается, что национальное своеобразие языка наиболее ярко проявляется, грамматика же нередко видится лишь средством чисто структурного приспособления лексем друг к другу. Однако, по сути, именно грамматика являет собой основное концептуальное содержание языка, его своеобразную обобщенно-формализованную мыслительную схему. В этом смысле грамматические лакуны представляют не меньший (чем лексические) интерес как отражение особенностей национального «мировидения». Поиски причин лакуарности неизбежно ведут в область детерминационных отношений сознания и языка как на синхронном срезе, так и в диахронии. Лакуна в таком ракурсе предстает как универсальный когнитивно мотивированный компонент языковой системы. Попытка мотивации лакун позволяет понять специфику соответствующего фрагмента грамматической системы. Даже на таком частном примере, как *pluralia tantum*, видно, что исследование грамматической лакуарности значимо для установления соотношений между универсальными и индивидуальными характеристиками грамматических систем различных языков, между унифицирующей и дифференцирующей тенденциями в языке. Грамматическая категория числа и группа *pluralia tantum* в ее составе помогают получить известное представление о способах мировидения и истории.

Список источников

1. Архипкина Г. Д. Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа: монография. Ростов-на-Дону: РГУ, 2005. 267 с.
2. Брусенская Л. А. Множественное число отвлеченных существительных // Русский язык в школе. 2012. № 6. С. 67-81.
3. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. Изд-е 2-е. М.: УРСС, 2002. 408 с.
4. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 372 с.
5. Зализняк А. А., Падучева Е. В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных в русском языке // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974. Вып. 4. С. 29-37.
6. Коптева О. В. Лакуарность в английском языке на фоне русских соответствий (на материале английского перевода романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»): автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2009. 26 с.
7. Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004. 400 с.

8. Намитокова Р. Ю., Нефляшева И. А. Слова поэта. Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко. Майкоп: Качество, 2009. 304 с.
9. Никитина Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М.: Астрель; АСТ, 2007. 256 с.
10. Николаев С. Г., Хазагеров Т. Г. Об одной типологической параллели и ее отражении в языках Северо-Кавказского региона // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1988. № 2. С. 91-96.
11. Радбиль Т. Б. Национальная специфика грамматики русского языка: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Русская грамматика: сборник тезисов Международного научного симпозиума (г. Москва, 13-15 апреля 2016 г.). М., 2016. С. 96-98.
12. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. Изд-е 3-е. М.: Русский путь, 2000. 280 с.
13. Семенова Г. Н. Феномен pluralia tantum в грамматической системе: когнитивный и прагматический аспекты: автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2007. 23 с.
14. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: энциклопедический словарь. В Санктпетербургъ: при Императорской Академии Наукъ, 1806. Собрание I. 1310 с.
15. Солнцев Р. Х. Две исповеди: повести и рассказы. М.: Современник, 1980. 451 с.
16. Толстой Л. Н. Отрочество. М.: РИПОЛ классик, 2013. 430 с.
17. Хазагеров Т. Г., Николаев С. Г. О типологии сочетаемости количественных числительных с существительными в русском и осетинском языках // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1984. № 4. С. 50-55.
18. Чесноков П. В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 1992. 168 с.
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86-ти т. М.: Терра, 1992. Т. 48.
20. Якубов И. Ж. Лексико-семантическая классификация существительных pluralia tantum в современном русском языке (в сравнении с украинским и белорусским) // Исследования по русскому языкознанию. К., 1976. С. 91-99.
21. Kuryłowicz J. The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg: Adler's Foreign Books, 1964. 246 p.
22. Schwyzer Ed. Griechische Grammatik // Revue des Études Grecques. 1950. Vol. 64. P. 299-301.

PLURALIA TANTUM NOUNS AS LINGUISTIC LACUNAE

Akai Oksana Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Rostov State University of Economics
oksanaakay@gmail.com

Both the interlinguistic lacuna (absence of the pluralia tantum group in languages with the grammatical category of number) and the intralinguistic lacuna (absence of the correlative singular form in particular pluralia tantum, which are not alien to the idea of counting in semantics) are essentially deeply motivated, since pluralia tantum is an integral component of the grammatical system of many Indo-European languages, a typological feature reflecting the peculiarities of the formation of the grammatical category of number basing on the elliptical, rather than amplifying plural. The "paradox" of the pluralia tantum nouns of specific semantics, which are referred to countable objects, is connected deeply with the emphasis on differences between the objects that make up a set.

Key words and phrases: grammar; lacunarity; intralinguistic grammatical lacunae; pluralia tantum nouns; elliptical plural.

УДК 811.161.1'373

Дата поступления рукописи: 14.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.57>

Статья посвящена изучению явления «интериоризация» и возможности обнаружения степени интериоризации образовательной лексики в сознании студентов, преподавателей университета посредством метода семантического дифференциала Ч. Осгуда. Представлены экспериментальные данные, полученные в ходе проведения опроса русскоязычных респондентов на предмет определения освоенности/неосвоенности образовательной лексики. Опрос проводился в форме психосемантического эксперимента. Результатом исследования является анализ восприятия статуса бакалавра, магистра и специалиста непосредственными участниками образовательного процесса.

Ключевые слова и фразы: интериоризация; вращивание; семантический дифференциал; семантическое пространство; синестезия; коннотативное значение.

Архипова Светлана Валерьевна, к. филол. н.
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
arkhipova16@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ КАК МЕТОД ОБНАРУЖЕНИЯ СТЕПЕНИ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

С целью создания единого образовательного пространства – двухуровневой системы образования (бакалавриата и магистратуры) Россия присоединилась к Болонскому процессу, что привело к реформированию системы высшего образования и созданию целого пласта лексических единиц, номинирующих данный процесс. С момента реформирования системы образования прошло пятнадцать лет. Исследование, описанное в данной статье, входит в цикл исследований, посвященных определению уровня адаптированности Болонской